

ФИЛОСОФ В ГОРОДЕ: КАНТ И КЁНИГСБЕРГ

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда
проект № 24-18-00672, <https://rscf.ru/project/24-18-00672/>

Статья является продолжением серии работ, посвящённых взаимному влиянию друг на друга человека и города на примере переплетения биографий философа и города. В данной работе показано то, как город Кёнигсберг влиял на формирование личности и биографии философа Канта и как далее имя философа Канта стало впоследствии влиять на биографию города. Автор полагает, что город в своих ключевых признаках определяется тем, как складываются в нём городские сообщества, как создаваемые и порождаемые городом формы общительности влияют на образ мышления и действия философа, а затем – как сам философ своими действиями формирует городские формы жизнедеятельности и сам образ города. В статье показано, что философия является публичным городским действием, осуществляющимся не в приватном пространстве кабинета, а в общественных местах, что было ярко продемонстрировано и самим Кантом, фактически ставшим предтечей городского фланёра и организатором городских клубных форм (со)общительности.

Ключевые слова: город, образ города, гений места, форма городского пространства, Кёнигсберг, Калининград, Кант, философия, биография, клуб

PHILOSOPHER IN THE CITY: KANT AND KÖNIGSBERG

Sergei A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

The article is a continuation of a series of works on the mutual influence of man and city using the example of the intertwining of biographies of a philosopher and a city. This work shows how the city of Königsberg influenced the formation of the personality and biography of the philosopher Kant, and how the name of the philosopher Kant subsequently began to influence the biography of the city. The author believes that the key features of a city are

how urban communities are formed in it, how the forms of sociability created and generated by the city influence the philosopher's way of thinking and actions, and then how the philosopher himself shapes urban forms of life with his actions. The article shows that philosophy is a public urban action, carried out not in the private space of an office, but in public places, which was clearly shown by Kant himself, who actually became the forerunner of the urban flaneur and the organizer of urban club forms of sociability.

Keywords: city, image of city, genius loci, form of urban space, Königsberg, Kaliningrad, Kant, philosophy, biography, club

DOI 10.23951/2312-7899-2025-2-72-104

Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу, а именно – подобающим образом занять указанное человеку место в мире – и из которой можно научиться тому, каким быть, чтобы быть человеком.

Иммануил Кант

Введение

В предыдущих работах мы попробовали обсудить проблему, связанную с переплетением и взаимовлиянием двух биографий – города и человека, причём – на примере жизни философов [Смирнов 2020, 159–188]. М. М. Бахтин и Г. П. Щедровицкий, такие разные мыслители, так или иначе своей жизнью, трудами и делами не просто оставляли следы памяти в местах своего пребывания во время своей земной жизни, но фактически делали биографию этим местом. Сейчас Саранск без Бахтина уже немыслим. В свою очередь, город, в котором жил философ, своей средой и духом места входил в мыслителя и так или иначе впечатывался в человека и формировал в нём уникальную личностную органику, рисунок которой был у каждого свой, даже если они жили в одних городах или даже ходили по одним улицам. Человек и город взаимно впечатываются друг в друга и оставляют линию своего образа, как впечатывается на барельефе абрис героя. Но образы городов рисовались разные. Поэтому Петербург Гоголя не похож на Петербург Бродского.

Поводом для написания данной работы стал 300-летний юбилей философа Иммануила Канта, ставшего гением места для Кёнигсберга, его культурным героем. Но вот интересно то, что аналитических работ, в которых была бы предпринята попытка ис-

следовать это взаимное влияние города и философа друг на друга, фактически нет. А если есть, то они представлены в жанре сугубо биографическом. Даже если работа названа «Кант и Кёнигсберг» [Gause 1974; Stavenhagen 1949], то это просто биографии философа, очередные, в ряду многих других.

Проблема же гораздо интереснее: что есть философ в своём образе жизни и мысли как городской субъект, что он есть как тот, кто совершает городское публичное действие и тем самым влияет этим действием на сам город уже при своей жизни? И что есть город, выступающий также субъектом действия, влияющий на философа и делающий из него горожанина-гражданина, формируя в нём, в своём горожанине, того, кто и стал тем, кем стал? [см.: Румянцева 2023].

Собственно, получается такая гибридная область городской философской антропологии (*urban philosophical anthropology*), представленной в переключке города и человека, города и философа. Иногда в такой переключке мы слышим удивительное, конгениальное созвучие двух неслиянных голосов. Полагаю, что случай Иммануила Канта и Кёнигсберга – как раз такой пример, когда философ и город нашли друг друга. Сначала город сделал из человека Философа, а затем философ стал делать из места Город. Как же это у них получилось?

Кёнигсберг как город

Каким был Кёнигсберг во времена Иммануила Канта? Как утверждают исследователи, он был весьма активным, открытым, космополитическим городом [Карль 1991; Кюн 2021]. Он не был дальним восточным захолустьем среди немецких земель. Располагался он выгодно, между Европой, Россией, Прибалтийскими землями и Польшей. Долгое время (вплоть до 1701 года) он был столицей Восточной Пруссии. В 70–80 годы XVIII века в нём проживало порядка 50–60 тысяч жителей. Это немало по тем временам. Плюс ко всему, он был портовым городом. Из-за множества мостов город называли даже северной Венецией. Купцы, ремесленники, деловые люди, банкиры, врачи, юристы составляли активное городское сообщество. Англичане – купец Д. Грин, его друг и компаньон Р. Мотерби – были долгие годы лучшими друзьями Канта.

Город сочетал в себе функции и прусского форпоста, и торгового порта, и столицы Восточной Пруссии. Это был город торговцев, профессоров, чиновников и ремесленников. Состав населения был довольно пёстрым. Это городское разнообразие, разумеется,

повлияло на то, что в нём сформировалась соответствующая городская среда общения.

Во многом Кёнигсберг был даже менее провинциален, чем такие города, как Гёттинген или Марбург. Он был значительно крупнее многих университетских городов того времени. В некотором смысле он был космополитичным, мультикультурным городом. В нём жили выходцы из разных земель и стран – англичане, французы, евреи, выходцы из прибалтийских земель, русские, представители разных конфессий и культур.

Кёнигсберг, как и Санкт-Петербург, относился и относится к «эксцентричным» городам, стоящим на границе, выполняющим роль форпостов, в отличие от городов, находящихся в центре обжитой культурной ойкумены (типа Москвы или Берлина), как об этом писал Ю. М. Лотман [Лотман 1996, 276–277]. Разумеется, это накладывает отпечаток на город. Город-граница становится местом пересечения культур, трендов, людей, торговых потоков, обменов и конфликтов.

В этой богатой среде и вращался всегда общительный и обаятельный, изящный и учтивый, сначала молодой магистр и приват-доцент, а затем профессор Иммануил Кант. Он так писал о городе:

Большой город, центр государства, в котором находятся его земельные правительственные учреждения и имеется университет (для культивирования наук), и к тому же город, удобный для морской торговли, который благодаря рекам, протекающим внутри страны, содействует общению как между её внутренними частями, так и прилегающими и отдалёнными странами, где говорят на других языках и царят иные нравы, – такой город, как Кёнигсберг на Прегеле, можно признать подходящим местом для обогащения знания и человека, и света [Кант 1966 б, 352].

Активность и разнообразие Кёнигсберга отмечали различные исследователи и биографы. Г. Карль писал:

В этом городе, где немецкая культура встречалась с восточными народностями, жило население, которое было очень пёстрым по профессии, образованию и даже по национальному происхождению и языку. Кёнигсберг был во времена Канта и ещё сегодня¹ во многом остаётся городом чиновников и художников, учёных и военных, торговцев и ремесленников <...>, французы, литовцы и поляки имели собственные церкви и школы, а французы – даже собственные суды <...>. Соседями дома, где родился Кант, были сапожники, хозяева гостиниц, пекари, старьевщики, игольщики, торговцы пряностями, парикмахеры, сыромятники, жестянщики, пуговичники, т. е. сплошь мелкие ремесленники. Там же было немало гостиниц [Карль 1991, 8].

---

¹ Книга Г. Карля написана в 1924 году.

Торговля в Кёнигсберге 200 лет тому назад была, пожалуй, в более цветущем состоянии, чем сегодня, добавляет Г. Карль. Деловая жизнь бурлила в старом городе на Прегеле, многочисленные корабли оживляли собой порт, их иностранные флаги свидетельствовали о дальних торговых связях кёнигсбергского купечества [Карль 1991, 9].

И конечно мы не можем не упомянуть и тот факт, что в городе был свой университет. Он был создан ещё в 1544 году Альбрехтом Гогенцоллерном, основателем Прусского герцогства и был назван в его честь Альбертиной.

Известно, что город становится городом не только потому, что там сосредоточен храм или резиденция правителя (Кёнигсберг к тому времени оставался одной из резиденций короля Пруссии), но также и потому, что в нём создается университет.

В 1700 году в разных немецких землях было 28 университетов. Во всех вместе взятых университетах училось порядка 9 тысяч студентов. Университеты были небольшие. В Гейдельберге училось порядка 80 студентов, в других – по 100–300, в Лейпцигском побольше – до 500 [Кюн 2021, 97]. В Альбертине училось до 500 студентов, а во времена Канта по разным версиям до 1 тыс.² Альбертина была единственным в Восточной Пруссии университетом и при этом фактически международным: в нём учились литовцы, поляки, выходцы из других прибалтийских земель, а также из России.

Университеты по тем временам были независимыми сообществами свободных граждан. Поступивший в университет и работающий там становился «академическим гражданином» (*akademischer Bürger*). Фактически университет был самостоятельной гильдией, академические граждане не подчинялись правилам городских властей, а студенты освобождались также от службы в армии.

Философия как городское занятие

Итак, Кёнигсберг не был провинциальным заштатным городишкой. Известно, что город начинается не только и не столько с камня, зданий, улиц, домов, сколько с людей. Он рождается тогда, когда рождаются в нём люди, образующие городские сообщества.

² В 1744 году в Альбертине учились 591 теолог, 428 студентов-юристов, и 13 студентов-медиков [Кюн 2021, 97]. В университете в это время работали 44 ординарных профессора. Также работали экстраординарные профессора и приват-доценты, каковым долгое время пребывал и Кант. Им платили деньги сами студенты за посещение их лекций. Чтобы себя прокормить, многие профессора держали огороды.

И умирает город тогда, когда из него уходят люди. Кёнигсберг, как и всякий город, интересен своими гражданами, горожанами, городскими сообществами. М. Кюн замечает, что во времена Канта там жили также и Герц, Гаман, фон Гимпель, Гердер, влиявшие на город, на его среду, на самого Канта, внося и свой вклад в память города и немецкой культуры именно потому, что жили в этом городе. Можно даже говорить о некоем «кёнигсбергском просвещении», как можно говорить о «шотландском просвещении» или «берлинском просвещении» [Кюн 2021, 37].

Исследователи отмечают, что в этом городе была своя активная интеллектуальная жизнь, встречи, собрания, разговоры, беседы, создающие насыщенную среду общения, в которой формировалась философия как публичное городское действие, а не только как некая мысль, спрятанная в текстах, трактатах и письмах, которую можно явить лишь при выходе этого трактата из печати. Духовная жизнь была в зените, пишет Г. Карль. Имена Гамана, Крауса, Гиппеля, Гердера, Шеффнера блистали рядом с именем Канта на духовном небосклоне Кёнигсберга, который мог именоваться филиалом Веймара во времена Гёте [Карль 1991, 9–10].

Мысль рождалась во встречах, публичных прениях, на лекциях, на занятиях, в том числе и весьма экзотичных³.

П. Боянич справедливо полагает, что философия – это в том числе городское публичное дело [Боянич 2017]. А чтобы философия была действительно городской (и в то же время философией города) нужно, чтобы философ был публично ангажированным (то есть захваченным городским действием) философом. То, что философ делает, он делает, обитая в городе. А значит, делает это «публично и усердно», причём совместно с другими [Боянич 2017, 5]. Только таким образом, утверждает Боянич, люди существуют в общей

---

³ Речь не только о знаменитых обедах у Канта, о чём мы ещё поговорим, но и, например, о лекциях по фортификации и пиротехнике, которые Кант (философ!) читал русским офицерам во времена, когда в 1758 году Кёнигсберг стал русским городом и все преподаватели университета, включая Канта, присягнули в Кафедральном соборе на верность русской императрице Елизавете Петровне. Кстати, вполне возможно, что на этих лекциях присутствовал будущий знаменитый полководец А. В. Суворов, тогда молодой офицер, приехавший к своему отцу, генералу В. И. Суворову, бывшему тогда губернатором Восточной Пруссии [Кузнецова 2012, 39]. Кстати, когда Кёнигсберг был возвращён добровольно королю Фридриху II, то последний наложил на горожан большой штраф за то, что они присягнули русской императрице. Те вынуждены были подчиниться и принести вновь присягу уже прусскому королю. Кант в этой присяге не участвовал. Ведь давать присягу можно только один раз, полагал философ. Поэтому формально он оставался подданным её величества русской императрицы. Выходит, город присягал дважды. А философ – один раз и навсегда.

работе обитания и строительства города. Философия – это обязательно городское публичное действие. А город (у Боянича примером был Петербург) является постольку городом, поскольку в нём обитают философы. Быть философом – значит обитать в городе, обитание в городе становится необходимой средой для философа.

В таком случае философ, пребывающий в другом городе (как Боянич, серб, прибывший в Петербург из Белграда), не может быть иностранцем, поскольку попадает в городское философское сообщество. Плохой философ (недофилософ) как раз тот, кто не городской субъект, не публичный. Плохой философ похож на «захолустного помещика», говорил Л. Витгенштейн [Друри 1999], то есть на провинциала, не включённого в городскую жизнь. Поэтому задача философа заключается «в соединении городов, в создании проектов для общей работы» [Боянич 2017, 7].

Добавим к сказанному, что философ, меняя своё географическое местоположение, сохраняет на себе некую неизменную идентичность; поэтому он в другом городе может быть своим, таким же городским и публичным, радующим за городское начало, одновременно сохраняя на себе память свой родной обители. Город – твоя обитель, в ней ты обитал и обретал свой исток мысли и жизни, она своим духом перемещается с тобой, но, перемещаясь из города в город, ты остаёшься городским, и такая смена места не означает измену. Гораздо радикальнее выглядит перемещение из не-города в город.

Строго говоря, философom становятся в городе, потому что в городе живут городские сообщества. Можно задним числом говорить, что, мол, я деревенский мыслитель, мне ближе и милее поле, лес, речка; однако это говорит городской житель, сформировавшийся в городе, но уставший и решивший пожить «вдали от шума городского». Но он с собой перевёз к этой речке и в этот лес свой собственный город. Сидя за очередной рукописью, он продолжает беседовать в воображаемом городском собрании, перекликаясь с тем или иным своим собеседником и оппонентом⁴.

А. М. Пятигорский в своё время настаивал: город – это «естественная среда его мышления» [Пятигорский 2014, 446–447]. Город – это начало культуры, а не её конец. И с горечью добавлял, что как раз города самоликвидируются, превращаясь в огромные

⁴ Именно такой смысл мне донёс давний партнёр и коллега, замечательный питерский философ А. Г. Погоняйло, переводчик Делёза и Фуко. Он давно и подолгу живёт в деревне. Но что он смог бы помыслить там, если бы до этого у него не было богатого университетского сообщества, библиотек и архивов? Свой «Петербург» он перевёз в своём уме и душе в свою деревню.

территории, сплошь застроенные конгломераты. А ведь город – это всегда форма, она структурирует пространство. Сейчас же появляются города без границ. Если же город как форма, структурирующая пространство, исчезает, то исчезает и привычная нам философия, родившаяся в нём, носителем которой выступают «философы в городе», к чему мы привыкли со времён античности [см.: Светлов 2021]. Город, теряя свою форму, расплываясь в неструктурированном пространстве, теряет себя, свои границы, а значит теряет и своих горожан, к числу которых относятся и философы, поэты, писатели, художники, различные городские сообщества. Последние рождаются, формируются и живут в городах. Потому они представляют собой именно *городские* сообщества.

Гений места

Говоря о локальном контексте мышления Канта, Г. Хорст ссылается на биографа К. Розенкранца: «Мы прекрасно осознаём, что философия Канта только тогда может быть понята правильно, когда она воспринимается в связи с историей прошлого столетия и в особой связи с литературной культурой Восточной Пруссии и в частности Кёнигсберга» [цит. по: Хорст 2009]. Связь со своим родным городом Кант демонстрировал, подписывая свои статьи и сочинения: он почти всегда указывал место, где они были написаны, а именно: город Кёнигсберг. Например, в конце статьи «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» помечено: «Кёнигсберг, Пруссия, 30 сентября, 1784».

Г. Хорст далее воспроизводит из К. Розенкранца, который в своих «Кёнигсбергских записках» так объясняет суть Кёнигсберга:

Я полагаю, что главную особенность Кёнигсберга составляет подчинённая трезвейшему разуму универсальность. <...> Тем самым он доказывает свою устремлённость к прогрессу. Но в то же время в своей универсальности он проявляет непреклонную разумность. <...> В этой разумности в связи с этой универсальностью заключена причина редкой справедливости суждения. Если в силу этого в Кёнигсберге берёт начало критическая философия, то в этом необходимо видеть нечто большее, чем простую случайность [цит. по: Хорст 2009].

Г. Хорст ему вторит: Канта сформировали земля и люди Восточной Пруссии. Но это ещё не всё. Как выразился в своей юбилейной речи по случаю двухсотлетия Канта в апреле 1924 года профессор философии Альбертины Арнольд Ковалевский,

в философской системе Канта отражается дух его родины, Восточной Пруссии. <...> Кант один из нас не только внешне, как кёнигсбергский миро-

вой мудрец, но и внутренне, поскольку в его философии царит мощный дух родины. Для нас, жителей Восточной Пруссии, это означает серьёзную обязанность снова вернуть этой философии, являющейся частью нашей собственной сущности, её живительную действенность. Таким образом мы окажем духовной культуре нашего Востока огромную услугу [Хорст 2009].

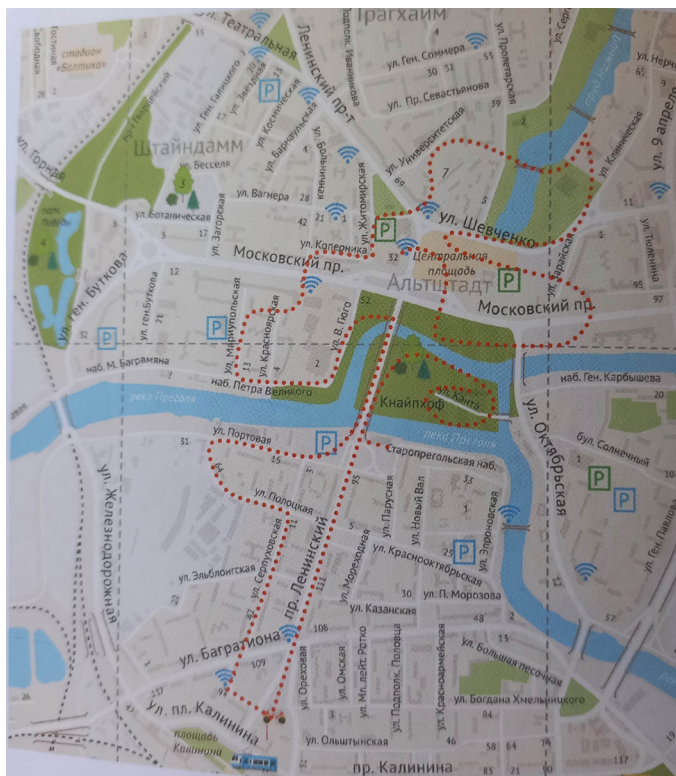
Если рассматривать всерьёз такие замечания и выводы, то получается, что сугубо местечковый мыслитель (а выглядит это именно так, как обычно пишут о поэтах, писателях, философах, впитавших молоко родной земли, выросших на ней и не мыслимых без родной почвы), вот этот автор выразил всю любовь к родной земле в своих сочинениях (стихах и проч.), а далее – примеры (Есенин и др.). Но вот этот философ, Кант, вскормленный почвой и местным городским духом, по факту оторвался силой мысли от этой же почвы, используя при этом восточно-прусский диалект, заговорил о философии в её, «всемирно-гражданском значении». С одной стороны, мысль имеет корни, почву, место; с другой стороны, мысль, взлелеянная родной почвой, вскормленная ею, становится всемирной. Это к вопросу о споре почвенников и либералов. Именно почва, место и дают шанс на «всемирную отзывчивость». Но место месту рознь. В данном случае все разговоры идут о Городе. Кёнигсберг оказался зиждительным местом, способствующим формированию себя, своей формы города, дабы затем получить ответ от всемирного гражданина, философа, его готовность стать на всемирность, способность говорить сначала на языке места, с акцентом этого места (восточно-прусское наречие Канта все отмечают), но затем выйдя в мировой горизонт.

Философия как фланёрство. Прогулки с Кантом

В современной городской антропологии весьма распространён метод фланёрства, то есть способ освоения городских пространств путём городских прогулок и составления дневников наблюдений во время этих прогулок [Смирнов 2020, 31–38]. Возникает такое ощущение, что основателем такого направления были не современные представители городской антропологии, а философ Иммануил Кант. Его можно назвать городским фланёром. Его прогулки стали не просто знамениты, они разошлись на мифы, легенды, байки. Маршруты его прогулок реконструированы. В памяти горожан хранятся разные воспоминания о том, что Кант выходил из дома в 17.00 и шёл гулять по своему давно выверенному маршруту. Г. Карль пишет:

Свою ставшую знаменитой прогулку Кант, как правило, совершал после обеда, всегда один, чтобы никто ему не мешал в его мыслях или наблюдениях над природой. Он шёл обычно по Кнайпхофише Лантгассе и через Зелёные ворота, наслаждался с Зелёного моста прекрасным видом на Прегель и затем шёл далее к Философендамм, которая по описанию Гиппеля была отличным местом для прогулок. В преклонном возрасте Кант шёл по альтштадтской Клаппервизе к Холландер Баум и оттуда к своему дому по близко расположенной от него Хольштайнер Дамм. По дороге он имел обыкновение останавливаться у определённого дома напротив Шиффсбау-плац и прислоняться к кирпичной стене, чтобы немного отдохнуть и насладиться видом на Прегель. Владелец этого дома был настолько внимателен, что поставил для Канта скамеечку для отдыха [Карль 1991, 20–21].

Краеведы, историки города реконструировали маршруты пешеходных прогулок философа. Вот что у них получилось (ил. 1).

Ил. 1. Маршруты прогулок Канта. Реконструкция.

Источник: Путеводитель 2024.

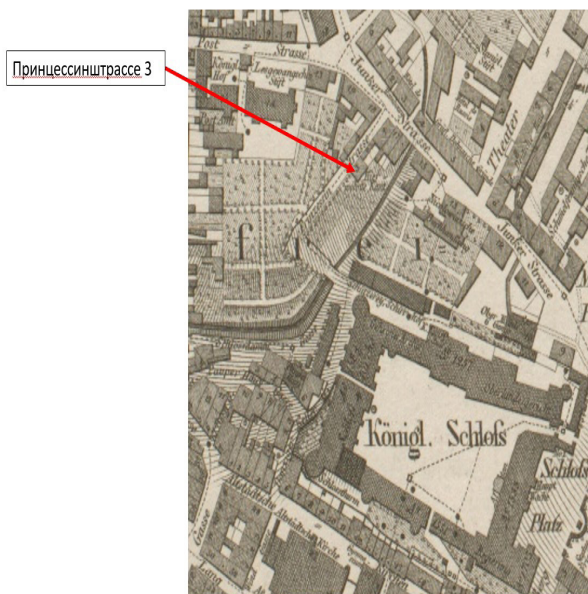
Красными пунктирными точками указаны направления прогулок Канта в Кёнигсберге. Видно, что вообще-то в течение часа-двух,

пока шла прогулка, Кант мог обойти весь исторический центр города⁵.

Пешеходная прогулка горожанина Канта по своему городу, проделанная много раз, ежедневно и в течение многих лет, как бы столбила, цементировала его город; он ногами запечатлевал свой город, оставляя собой буквально свой физический след пребывания в этом месте, делая это место Городом, поскольку улицы, дома, площади, река Прегёля, остров Кнайпхоф (ныне остров Канта), дом, где он родился на Фордере Форштадт № 22 (Ближнее Предместье, ныне Ленинский проспект 40), его собственный дом на Принцессенштрассе, 3 (ныне место на ул. Шевченко напротив гостиницы Калининград), «философская дамба», которая ныне застроена, а тогда там были луга, а в детстве тропинка, по которой он гулял с семьей под руководством любимой мамы, – все эти места вырисовывались, вырезались из пространства, обживались и становились не просто обжитыми, но воплощались в устойчивую форму мыследействия, можно сказать, форму умной прогулки в духе афинских перипатетиков.

Дом Канта на Принцессенштрассе, который он приобрёл в 1783 году, из которого он выходил и шёл гулять по городу, как известно, не сохранился. Он находился совсем недалеко от Королевского замка (ил. 2). Сама улица Принцесс тоже не сохранилась, она была разрушена при перепланировке города. Но изображения дома дошли до нас (ил. 3). Дом находился в удобном месте – в центре, рядом с Королевским замком, где находилась библиотека, в которой философ работал помощником библиотекаря, а также недалеко от Альбертины. Окнами фасада он выходил на Королевский замок.

⁵ Автор этих строк проделал эксперимент. Я шёл от гостиницы Берлин (недалеко от Южного вокзала). Далее по Ленинскому проспекту на север, мимо дома, где родился Кант. Далее переходим по эстакадному мосту реку Прегёлю (ранее – Прегель), видим справа остров Кнайпхоф (ныне остров Канта), далее проходим и видим справа территорию, на которой находился старый город Альштатт, далее пересекаем Московский проспект, видим справа пустырь, здесь когда-то стоял огромный Королевский замок, доходим до поворота от Ленинского проспекта на ул. Шевченко, поворачиваем направо, слева видим гостиницу Калининград, проходим место, где стоял дом Канта (как раз по линии трамвая), далее поворачиваем налево, оставляем слева недалеко в глубине дворов памятник Канту около старого корпуса университета, далее идём по Пролетарской, доходим до ул. Черняховского, поворачиваем направо, идём до площади с памятником Александру Невскому, обгибаем её, слева видим Росгартенские ворота и Музей янтаря, выходим на ул. Александра Невского, проходим по ней, справа видим храм Александра Невского, минуем его и приходим к новому корпусу БФУ имени Иммануила Канта. Здесь проходил Кантовский конгресс в апреле 2024 года. Этот маршрут у меня занимал немногим более одного часа, если идти средним шагом, не останавливаясь.

Ил. 2. Дом Канта на старой карте центра города (указан стрелкой).

Источник: <https://worldkant.ru/street/prinz/3-2/>

Канту хорошо думалось, особенно по утрам перед занятиями (а было 6 утра). Он мог подолгу созерцать, смотря в окно на башню кирхи св. Барбары. Его ученик и душеприказчик Э. А. К. Васянский вспоминает:

В это время, столь удобное для размышлений, он обдумывал прочитанное, если оно было особо ценным для обдумывания, или посвящал эти спокойные мгновения наброскам того, что он собирался сказать на следующий день в лекции или опубликовать. Потом он, будь то зима или лето, занимал свое место у печи, с которого через окно мог видеть башню церкви в Лёбенихте. То ли она была всегда перед взором во время этих размышлений, то ли, скорее, его взгляд всегда останавливался на одном и том же. Он не мог четко выразить, насколько благотворным для его взгляда было всегда одно и то же положение этого объекта. В результате ежедневного созерцания в сумерках его глаз мог к этому привыкнуть. Когда со временем некоторые тополя в саду его соседа выросли настолько высоко, что заслонили башню, это беспокоило его и мешало размышлять, поэтому он выразил желание, чтобы их верхушки были подрезаны. К счастью, владелец сада был здравомыслящим человеком, который любил и уважал Канта и, кроме того, был с ним в приятельских отношениях; поэтому он пожертвовал верхушками своих тополей, так что башня опять стала видна и Кант, глядя на нее, мог снова беспрепятственно размышлять [Васянский 2012, 67].

Ил. 3. Дом Канта. Ф. Х. Бильс. Литография. 1842 г.
Фото из открытых источников

Ил. 4. Место, где стоял дом Канта
на Принцессенштрассе, 3.
Фото: Сергей Смирнов, 2024

Ил. 5. Памятный знак на доме
по адресу Ленинский проспект, 40.
Знак повествует о том, что на этом ме-
сте стоял дом, в котором родился
и жил до 1740 года философ И. Кант.
Фото: Сергей Смирнов, 2024

Кант был идеальным горожанином. Он сочетал в себе созерцание и активность, вдумчивое, внимательное отношение к окружающему миру и предельную общительность, что позволяло ему избегать крайностей анахорета и праздного гуляки.

Как работает неблагодарная память и безжалостная история! Г. Карль пишет, что «дом, в котором родился Кант, за двести лет не менее четырёх раз был разрушен, два раза пожаром и два раза – путём сноса [Карль 1991, 12]. Всю улицу Принцессенштрассе снесут уже в 1895 году при перепланировке района. А в 1944–1945 годах уже весь город был разрушен. В результате были разрушены и Королевский замок, и Альбертина, и Кафедральный собор, и дом Канта.

Но место памяти осталось. Заботливые краеведы отметили это место знаком. Оно зафиксировано прямо на трамвайной линии, на повороте от Ленинского проспекта на ул. Шевченко, напротив гостиницы Калининград (ил. 4). За ней в глубине дворов находится старый корпус университета на ул. Университетская, 2. Рядом с ним стоит памятник Канту. Также отмечено место, где стоял дом, в котором родился философ (ил. 5).

Предтеча городского клуба. Обед у Канта

Обеды у Канта – это ещё один из мифов о гении места. Надо сказать, что Кант приобрёл домик на Принцессенштрассе только в 1783 году. Первая «Критика» уже была издана. Ему уже было 59 лет!⁶ И профессором он стал, когда ему было 46. Поэтому рассказы про прогулки Канта, обеды у Канта и прочее относятся вообще-то к последнему периоду его жизни. До этого ему пришлось изрядно потрудиться и выработать свой уникальный образ жизни, описанный во всех биографиях. Но так было лишь последние 20 лет жизни.

---

⁶ М. Кюн замечает, что Кант до того, как зажить в своём доме и обрести долгожданный покой и уединение, снимал квартиры по всему городу в нескольких местах и обедал в разных ресторанах и пивных целых 30 лет! Он успел пообщаться с самым разным людом города – купцами, ремесленниками, врачами, аптекарями, издателями, художниками, юристами и прочими деловыми людьми. Палитра общительности была богатейшей. Откуда сложился миф об утрюмом, необщительном, замкнутом философе-отшельнике, выработавшем механический образ жизни? Важно здесь заметить, что и по характеру Кант вообще-то был вспыльчивым, импульсивным, что отмечают многие друзья и коллеги. Дисциплина ума и сердца дорого ему досталась. Страстность была характерна как для поведения, так и для собственного опыта мысли. Поэтому пришлось себя дисциплинировать. Его три Критики – результат этой интеллектуальной и поведенческой самодисциплины [см.: Кюн 2021, 435–436].

Хотя надо сказать, что Кант, при всей его общительности, очень любил тишину. Ему нравился, например, дом книготорговца Кантера, у которого он снимал комнаты. Но, как утверждает Г. Карль,

из этого во многих отношениях столь приятного дома Кант был изгнан, как рассказывают, петухом соседа, чей крик часто нарушал ход размышлений философа, за любую цену хотел он купить это громкое создание и тем самым обрести покой. Но это ему не удалось из-за упрямства соседа, которому было совершенно непонятно, как его петух мог беспокоить мудреца [Карль 1991, 17].

Итак, после многих лет городского квартирного бродяжничества, уже будучи знаменитым профессором, философ приобретает дом, описанный во многих источниках. Главное здесь состоит в том, что Кант фактически смог воплотить собственный идеал философской общительности, идеал сочетания благополучия и стремления к общественному благу. И здесь где-то с 1787 года он организует свои знаменитые застолья (Tischgesellschaft) (ил. 6):

И вот он напоминает слуге, чтобы тот подавал обед, сам передаёт ему серебряные ложки из своего секретера и спешит со всем, что ему нужно сказать, к столу. Гости уже ждут его в столовой, такой же непринуждённой и простой, как и остальные комнаты. Рассаживались без всяких церемоний, и когда кто-нибудь готовился произнести благословение или помолиться, он прерывал их, говоря им сесть. Все было аккуратно и чисто. Всего три блюда. Но превосходно приготовленные и очень вкусные, две бутылки вина, а в сезон были фрукты и десерт. Все шло в строго определённом порядке. После того, как подавали и съедали суп, нарезали мясо – обычно говядину, которая была особенно нежной. Кант ел её, как и большинство блюд, с английской горчицей, которую готовил сам. Второе блюдо должно было быть одним из его любимых блюд (почти каждый день одно и то же). Он ел его так долго и так много до последних своих дней, что как он говорил, набивал им свой живот. Ростбифа и третьего блюда он ел мало. Когда он ел суп и мясо в нём оказывалось хорошо приготовленным и нежным, он был чрезвычайно счастлив (а если нет, то он жаловался и несколько расстраивался); и затем он говорил: Ну что же, мои господа и друзья! Давайте немного поговорим. Что нового?

Он хотел, чтобы время приема пищи было посвящено расслаблению, и предпочитал не обращаться в то время к учёным вопросам. Временами он даже отсекал подобные ассоциации. Больше всего он любил говорить о политических вопросах. Действительно, он практически наслаждался ими. Он хотел также обсуждать городские новости и вопросы повседневной жизни [цит. по Кюн 2021, 443].

Ил. 6. Э. Дёрстлинг. Кант и его сотрапезники (Kant und seine Tischgenossen), 1890.

Копия. Во время Второй мировой войны картина была утрачена.

Согласно биографам, число участников застолья должно быть от 3 до 6.

Дёрстлинг несколько преувеличил это число

Вообще-то нет ничего откровенного и нового в том, что Кант стал устраивать обеды у себя на дому, превращая их в городские события⁷. Его застолье, трапеза (Tischgesellschaft) напоминает симпозиум Платона. Для философа участие становится необходимым, поскольку служит общественному благу. Поэтому он сам расписал процедуру и правила такой формы общительности в своей «Антропологии...», в самом конце первой части [Кант 1966 б, 526–530]. А. Хеллер это подробно обсуждает, делая акцент на том месте в «Критике способности суждения», где философ фактически соединяет свои представления о Humanitas и проведение у себя дома застолий: «Пропедевтика ко всякому изящному искусству <...> заключается в культуре душевных сил, которой следует добиться посредством предварительных знаний, называемых Humaniora, ве-

⁷ Впрочем, есть одна деталь, которую отмечает М. Кюн. Он полагает, что обеды, которые стал устраивать Кант у себя дома, были связаны с трагическим событием – смертью его драгоценного друга, английского коммерсанта Д. Грина в 1787 году. До этого они постоянно обедали вместе. После его смерти Кант стал вести гораздо более замкнутый образ жизни и как бы перенёс совместные обеды к себе в дом. С тех пор он больше не обедал вне дома. Но, как видим, такая традиция обедов у Канта была вообще-то уже весьма поздней, после 1787 года [Кюн 2021, 439–440]. М. Кюн также полагает, что эти обеды были формой борьбы с одиночеством. Поэтому философ был так рад гостям.

роятно потому, что Humanitas означает, с одной стороны, общее *чувство участливости*, а с другой стороны – способность искренне *сообщать* всем [своё]; эти свойства, соединённые вместе, составляют подобающую человечеству общительность...» [Кант 1966 а, 378].

Кант соотносил понятие Блага с этой формой общительности как его воплощением. Поскольку мы не можем игнорировать оба вида блага, моральное и физическое, полагал философ, поэтому они должны сочетаться в оптимальной форме. Склонность к добродетели и склонность к благополучию не должны вступать друг с другом в противоречие. Поэтому, делает вывод И. Кант, «образ мыслей, направленный на соединение благополучия с добродетелью в обиходе – это гуманность. Явная форма такого соединения благополучия и добродетели в ежедневном повседневном обиходе – это и есть «хороший обед в хорошем обществе», число участников которого «не должно быть меньше числа граций и больше числа муз» [Кант 1966 б, 526]⁸. Обед – форма, предполагающая не только телесное удовлетворение (его каждый может получить и в одиночестве), но и удовольствие от общения [Кант 1966 б, 527].

Также И. Кант обосновывает необходимость такого публичного действия, как совместный обед в хорошей компании, тем, что такая трапеза есть форма не только умного разговора (фактически жанр философствования со времён Платона), но и форма взаимного доверия людей друг к другу. Кант здесь ссылается на древние традиции, согласно которым, если путник или гость приходит к хозяину в дом и просит кусок хлеба и глоток воды, то хозяин его не тронет в своём доме. Совместное вкушение пищи есть символический жест, дарующий участником всеобщее и взаимное доверие и приятие друг друга⁹. Поэтому важно в этом совместном застолье выбирать тему для разговора, нельзя допускать убийственной тишины и пауз, без надобности менять тему и перескакивать на другие темы, нельзя, чтобы в ходе беседы разгорались страсти, а после обеда нельзя допускать, чтобы гости разошлись в ссоре друг с другом¹⁰.

⁸ И в число которых, добавим, согласно Канту, не должны входить дамы, поскольку их присутствие за столом ограничивает свободу мужчин, что грозит скукой, когда никто из собеседников не решается сказать что-то свободное, новое для продолжения разговора [Кант 1966 б, 526–527].

⁹ А. Хеллер от себя добавляет: «Застолье – всего лишь подобие, оазис или заповедник, где на несколько часов усмиряются дикие животные социальных джунглей. За эти несколько часов происходит чудо, реализуется утопия социальной общительности» [Хеллер 1992, 138].

¹⁰ Кстати, заметим, что длительный и обильный обед у Канта явно показывает, почему он был против аскезы, как физической, так и духовной. Ответим его словами: «Пуризм циника и умерщвление плоти отшельником, ничего не дающие для общественного блага, – это искажённые формы добродетели и не привлекательны для неё; позабытые грациями, они не могут притязать на

Н. В. Мотрошилова со ссылкой на самых разных авторов делает вывод о том, что этот обед – больше чем застолье. Это фактически часть структуры общественных форм жизни города, часть городской повседневности [Мотрошилова 2014]. Фактически где-то к 1764–1765 годам вокруг Канта образовался круг друзей, сообщество сотрапезников, собиравшихся и после смерти Канта¹¹.

Кстати, период этот падает как раз на возраст 40 лет, возраст кризиса и нового рождения. М. Кюн полагает, что в этот период рождается новый Кант, повернувшийся от проблем философии природы и естествознания к проблемам метафизики, нравственности и антропологии.

Круг друзей был больше, чем число участников застолий. Это было реальное активное и влиятельное сообщество горожан, людей известных, со связями, самостоятельных, проявившихся в самых разных сферах – философии, литературе, науке, математике, торговле, юриспруденции и др.¹² Круг собеседников-сотрапезников (Tischgenossen) потом трансформировался в Общество друзей

гуманность» [Кант 1966 б, 530]. Обед Кант понимал как сознательно организованное действие во имя всеобщего общественного блага, оно было так же организовано, сценарировано, оформлено, как и все остальные его действия, включая прогулки, как весь его образ жизни. Эти прогулки и обеды заменяли ему молитвенную практику аскезы, в которой он не нуждался, поскольку использовал иные, соответствующие, как он полагал, общественному благу формы самоорганизации ума, души и тела.

¹¹ А сборы в разных формах и составах начались задолго до того, как философ купил себе дом. Ещё ранее, когда И. Кант снимал у книгоиздателя Кантера жилплощадь, там, разумеется, была замечательная библиотека и книжная лавка. Фактически это помещение стало неким книжным салоном-клубом города. Сюда книгочеи и студенты приходили читать книги, обсуждать новости, проводить умные беседы с Кантом. Он мог там читать свои лекции и проводить беседы. Клубные формы рождались на постоянных совместных обедах в гостях у коммерсанта Д. Грина (который, кстати, был больше учёным, чем купцом, и намного более образованным, чем все другие купцы), у которого философ, тогда ещё молодой «элегантный магистр», обучился точности и пунктуальности.

¹² Круг друзей-собеседников был весьма интересен и пёстр. В него входили профессор Х. Я. Краус, коллега Канта; обер-бургомистр города и писатель Т. Г. фон Гиппель; философ и литератор И. Г. Гаман; математик, библиотекарь, профессор И. Ф. Гензихен; военный советник, чиновник, писатель И. Г. Шеффнер; советник медицины, фармацевт, профессор К. Г. Хаген; ученик и биограф Канта, диакон Э. А. К. Васянский; правительственный советник И. Ф. Вигилантиус (поверенный Канта в юридических вопросах, составил его завещание); английские коммерсанты Д. Грин и Р. Мотерби, пастор Л. Э. Боровский, автор первой биографии философа, которую сам Кант успел прочесть, но запретил публиковать при жизни, и другие. Состав общества-клуба постоянно менялся, когда кто-то уезжал или умирал. В него входили новые участники. Когда Кант умер, около 20 его застольных друзей шли за его гробом.

Канта, которое до сих пор существует и периодически собирается на обеды и ужины¹³.

Фактически сообщество собеседников стало клубной формой социальной городской жизни, формой городского клуба¹⁴. Эта форма вполне жизнестойкая, поскольку крепится на прочных личных горизонтальных связях, не зависит от политических режимов, фигур правителя, экономической конъюнктуры. Она способна возрождаться даже после войн и катаклизмов. Это такая форма социальной городской жизни, которая основана не на экономических и политических механизмах и институциях, а на нематериальных, духовных связях, на памяти коллективной мысли и действия, на духовной солидарности и участии, на традиции совместного думания и совместного духовного действия. Она способна периодически возрождаться, принимать новые формы. Можно сказать, что такая клубная форма в чём-то сходна с праформой научной школы, научным кружком, каковыми были в своё время многие зарождавшиеся научные школы и научные направления, такие как «кружок Мерсенна» времён Паскаля и Декарта, Венский кружок, «кружок Бахтина», Московский методологический кружок и др. [см.: Смирнов 2021]¹⁵.

Через год после смерти философа по инициативе Вильяма Мотерби, врача, сына Роберта Мотерби, английского коммерсанта, постоянного участника обедов у Канта, был создан торжественный обед памяти философа в его же доме, который принадлежал уже другому хозяину [Зильбер 2014; Хорст 2009]. С этого времени компания сотрапезников постепенно стала превращаться в общество друзей Канта, в полноценный городской клуб, у которого хотя и не было никакого устава, но были незыблемые традиции, неписанные правила и устойчивые личные и межпоколенные связи.

¹³ См.: <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru>.

¹⁴ И. Кант замечает: «Какое уютно большое общество за столом всегда представляет собой в сущности только частное сообщество, и только гражданское сообщество вообще по идее публично» [Кант 1966 б, 527].

¹⁵ Таковыми были и многие так называемые квартирники в СССР. К слову сказать, такие клубные формы мало изучены, и при проведении историко-философских исследований на такие феномены редко обращают внимание. Это отмечает Н. В. Мотрошилова: приходится сказать о досадных теоретических пробелах и трудностях этого раздела кантоведения. Пока недостаточно исследованы линии и тонкие механизмы влияния тех идей, умонастроений, ценностей, которые – часто незаметно, подобно невидимым флюидам – исходили и исходят от структур, подобных Tischgesellschaften, затем проникая в потоки повседневной жизни, а от них возвращаясь в философию. А если подобные исследования и существуют, скажем, в социальной философии, то в кантоведении, в истории философии вообще, на них редко опираются [Мотрошилова 2014].

Первой задачей этого сообщества была поддержка той самой общительности, о которой радел сам философ. Вторая задача заключалась в том, чтобы хранить живую память о философе, продолжая не только ежегодно встречаться на *Tischgesellschaft*, но и заниматься изданием его сочинений, установкой памятника (что в итоге увенчалось успехом, см. ниже). В сообщество мог вступать любой желающий, независимо от профессии и звания. В него входили десятки самых разных людей. Распорядитель праздничных заседаний вначале избирался, затем с 1814 года он стал выбираться случайным образом посредством запекания боба в пироге. Кому доставался случайно кусок с бобом, тот и становился распорядителем и главным, кто будет произносить праздничную речь. С тех пор эти собрания стали называть бобовыми, а распорядителя – «бобовым королем».

Шли годы. Настал XX век. И несмотря на деятельность бобового сообщества, как отмечают исследователи, имя Канта стало забываться. Вот свидетельство Людвиг Гольдштейна, председателя Кёнигсбергского общества любителей Гёте, сказавшего в 1919 году:

Кант сегодня для обычного жителя Кёнисберга – это только имя или памятник <...>, имя КАНТ, высеченное на граните золотым буквами, для большинства лишь пустой звук, как и многие другие имена. Пожалуй, всем известно, что льстивое имя «Город чистого разума», которое так охотно принимают его жители, имеет какое-то отношение к Канту, и что он величайший сын Кёнигсберга <...>, настал подходящий момент, чтобы продвигаться к осуществлению моей мечты откупорить пару из тех семи печатей, за которыми всё ещё спрятана от современников таинственная книга с названием «Кант» [цит. по: Зильбер 2014, 110].

Ещё был жив тот Кёнигсберг. Но из города ушёл сам философ. Его стали забывать. Философ умирал для самого Кёнигсберга. И только спустя 200 лет, на его юбилей, состоялись большие торжества в его честь. До этого в течение долгого времени город хранил безмолвие и испытывал большие проблемы с памятью.

Но сообщество Канта было живым. Оно хранило память, традиции, занималось изданием книг философа, кантоведы и просто историки философии из разных стран, изучая наследие философа, тем самым хранили его имя. И вот настало время, когда философ вернулся в город.

Что получается? Получается, что Канта помнят не просто потому, что он великий философ. Точнее, философия его потому и стала великой, что Кант больше, чем мыслитель. Он подал образец философа, став её воплощением, олицетворением. Если спраши-

вать, что такое философия и кто является её воплощением, то на ум приходит именно Кант, ставший живым символом, воплотивший в своём образе жизни, стиле, манерах, поведении, своей элегантно-сти, порядочности, честности образец и горожанина, и гражданина, и философа. Гражданство, горожанство и философский образ жизни соединились в одном лице и, кстати, в одном понятии.

В немецком языке это запечатлено. Кант это знал и сознательно демонстрировал. В немецком слово *Urbanität* означает хороший тон, воспитанность, вежливость. Быть горожанином – значит быть вежливым, обходительным, воспитанным, образованным. В немецком горожанство, гражданство и воспитанность – одного корня. Боровски свидетельствует:

К. никогда не заходил далеко в комплиментах, в пустой пышности слов, и менее всего предавался доверительным сердечным излияниям. Его дружба всегда была и оставалась хорошей содержательной прозой, лишённой какой-либо лирики. Он <...> показал нам, что слово «вежливость» (*Höflichkeit*) обозначает, собственно, лишь придворные манеры в изъяснении и жестах, вдохновил нас на то, что называется «воспитанностью» (*Urbanität*), которую он гораздо более предпочитал вежливости... [цит. по: Круглов и др. 2023, 241].

Быть воспитанным – значит быть горожанином. И наоборот. А город – это мир. Быть всемирным – значит быть горожанином. Значит соблюдать моральные максимы.

Карнавалыные формы кантианы

«Города чистого разума» давно уже нет. Тот город был убит. Его разрушали, убивали сознательно, намеренно, с удовольствием и наслаждением варвара. Того Города Канта, который и способствовал тому, что мир знает теперь философа Иммануила Канта, того города нет и больше никогда не будет.

Тот Кёнигсберг ушёл в нашу память. Старый город перестал существовать в 1945 году. Он был просто разрушен. Его начали разрушать англичане. Здесь сильно постарались британские BBC, бомбившие, точнее, выжигавшие город напалмом в августе 1944 года [Ржевский 2019; Хорст 2009]. Они жгли город, причём его центральную историческую часть, сознательно, специально, не трогая военные объекты и укрепления, расположенные по границам города¹⁶. Они выжигали его историю, его память, чтобы от неё остался только

¹⁶ При штурме города в апреле 1945 года советские войска разрушали другие районы города, прежде всего его укрепления. Но это разная война с городом. Одно дело – штурмовать укреплённый город, другое дело – бомбить его сверху, не разбираясь, где военные, а где гражданское население.

пепел. Погибло несколько тысяч жителей. Их смерть была страшной. Они просто сгорели и задохнулись от дыма и огня¹⁷. 200 тысяч остались без крова. Кёнигсберг был первым опытом британцев по выжиганию немецких городов. Потом уже был Дрезден.

Но судьба распоряжается по-своему. Город Канта возрождается, хотя и причудливым образом. Это возрождение, как и положено, принимает карнавальные формы. И в том числе это возрождение связано с именем Канта. Философ возвращается в город.

Вот и университет получил имя Канта, хотя Альбертины давно уже нет. Восстановлен Кафедральный собор¹⁸. Вот и музей Канта находится не где-нибудь, а в восстановленном Кафедральном соборе, служившем когда-то университетской церковью; теперь здесь концертный зал. Вот и туристы приезжают тысячами в город, в их туристические маршруты непременно включены посещение могилы Канта, Кафедрального собора, музея Канта, рассказы и байки про философа, его прогулки и обеды.

Вот и его изречения и цитаты из книг входят в путеводители и туристические каталоги. Кант пошёл в тираж. Его издают не только в собраниях сочинений, но и размножают на майках, футболках, бейсболках, на значках, витринах кафе, магазинов, ресторанов, на рекламных щитах и билбордах. Друзья Канта издают туристические буклеты и путеводители а la «Город Канта». Редкий случай. Обычно путеводители делают по достопримечательностям, природным красотам, архитектурным памятникам, историческим местам и т. д. А здесь мы имеем путеводитель по местам философа, которых, однако физически почти не осталось, но есть только Память места [Путеводитель 2024].

---

¹⁷ Вспоминает немецкий скрипач Михаэль Вик в своей книге «Закат Кёнигсберга»: «Весь центр города бомбардировщики планомерно усеивали канистрами с напалмом, впервые применёнными именно здесь, и разрывными и зажигательными бомбами различной конструкции. В результате весь центр вспыхнул почти разом. Резкое повышение температуры и мгновенное возникновение сильнейшего пожара не оставили гражданскому населению, жившему в узких улочках, никаких шансов на спасение. Люди сгорали и у домов, и в подвалах... Около трёх суток в город было невозможно войти. И по прекращении пожаров земля и камень оставались раскаленными и остывали медленно. Чёрные руины с пустыми оконными проёмами походили на черепа. Похоронные команды собирали обугленные тела тех, кто погиб на улице, и скрючившиеся тела тех, кто задохнулся от дыма в подвале. Кто способен рассказать о последних минутах жизни несчастных? Можно ли их вообще представить? При какой температуре человек теряет сознание? Все были потрясены открытием, что у войны есть ещё и такое – невообразимое – измерение...» [цит. по: Ржевский 2019].

¹⁸ Автор этих строк в 1987 году ещё застал собор в руинах. Правда, могила философа была в сохранности. А на площади местные жители нарисовали стрелки: здесь гулял философ Кант.

Понятное дело, возродить город невозможно. Живой Кант возможен разве что в духовной встрече, в умном разговоре наедине с его книгой. Но тот город Канта не возродить. Поэтому он восстанавливается в карнавальных формах. А жители города, разумеется, из благих побуждений, всячески стараются использовать имя Канта в своих целях, как-то стараясь капитализировать место. Получается не всегда удачно. Вместе с тем, это всё делается искренне, с любовью.

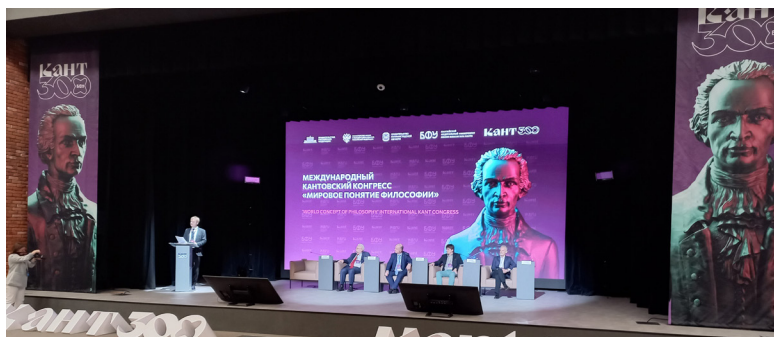

Ил. 7. Место в летнем кафе перед Кафедральным собором.
Фото: Сергей Смирнов, 2024

И вот издаются открытки с видом Собора и, разумеется, с памятником Канту. Делаются видеоролики, где опять же персонажем выступает философ. В сознании жителя города и туриста давно выстроился ассоциативный ряд: Калининград – янтарь – философ Кант – дюны – берег – море – Кафедральный собор. Изречение Кан-

та про звёздное небо над головой знает каждый школьник. А все брачующиеся пары в поездке по городу обязательно приезжают к могиле Канта. Ритуал!

Вот ещё одна из карнавальных форм кантианы. Место в летнем кафе перед Кафедральным собором. Посетитель может сесть на стульчик, а над ним – изречение философа. Глядишь, приобщишься к великому мыслителю. Сидишь, пьешь кофе, а над головой – его изречение. И вот уже турист цитирует философа (ил. 7). Или ещё одна карнавальная форма. Мы видим философа, размещённого на огромных рекламных конструкциях. Точнее, мы видим его цифрового двойника, созданного с помощью нейросетей. Нам явилась цифровая тень Канта. Это изображение философа было официальным на Кантовском конгрессе в апреле 2024 года (ил. 8, 9).

Ил. 8. Кантовский конгресс. 2024.

Все спикеры выступают на фоне цифрового двойника И. Канта.

Фото: Сергей Смирнов, 2024

Ил. 9. Искусственный И. Кант на рекламном щите

Фото: Сергей Смирнов, 2024

Человеческая память вообще-то помнит всё. Если любит. Если мы что-то любим, мы хотим не просто это помнить. Мы хотим восстанавливать и хранить в мельчайших деталях и подробностях то, что любим. Любимого человека мы помним всякого. Что он ел, что носил, как одевался, когда гулял, когда спал, где, как и с кем обедал, говорил. И так получилось, что небогатая на приключения жизнь философа (не героя, не полководца, не государственного деятеля) восстановлена в мельчайших деталях. И в итоге он стал самым знаменитым жителем Кёнигсберга-Калининграда, гением места, его брендом, визиткой, именем, символом...

Он запечатлён везде. Вот мы также видим и реконструкцию его костюма (ил. 10):

Он носил маленькую треугольную шляпу, маленький, белокурый, добела напудренный парик с кошельком для волос, черный галстук, верхнюю рубашку с жабо и манжетами, сюртук на шелковой подкладке с жилетом и штаны из тонкого сукна, цвет которого был обычно смесью чёрного, коричневого и жёлтого цветов, серые шелковые чулки, башмаки с серебряными пряжками и шпагу, когда её ещё носили, а позже трость. Сюртук, жилет и штаны были по тогдашней моде отделаны золотым шнуром, а пуговицы обтянуты золотой оболочкой или шёлком [Карль 1991, 21].

Ил. 10. Костюм И. Канта. Реконструкция.
Находится в музее Канта в Кафедральном соборе. Калининград.
Фото: Сергей Смирнов, 2024

Фактически таким его запечатлели потомки и в памятнике (ил. 11). Он был установлен в 1864. Оригинал был утерян во время Второй мировой войны. Памятник воссоздан в 1992 году и поставлен у нового (ныне – старого) здания университета, на ул. Университетская, 2 (бывший Кёниггартен, королевский сад, другое название – Параденплац, площадь парадов). Теперь это уже старое здание БФУ имени Иммануила Канта. Оно поставлено на месте разрушенного здания Новой Альбертины 1862 года.

Ил. 11. Х. Раух. Памятник Канту, 1757.
Фото: Сергей Смирнов, 2024

Осколки Кёнигсберга в теле Калининграда

И тем не менее. Именно пограничность, эксцентричность этого города помогает ему не просто возрождаться, но и вернуть себе прошлое, делая его актуальным настоящим. Рождается «калининградский текст», как в своё время был создан «петербургский текст»

[Топоров 1993]. Этот текст в связи с эксцентризмом города отличается своей амбивалентностью, отмечает исследователь Л. М. Гаврилина. Он пишется на стыке бинарных оппозиций город/море, прошлое/настоящее, немецкое/русское, свой/чужой, война/мир [Гаврилина 2010].

Память бомбардировок 1944 года осталась до сих пор. И память города-призрака, старого Кёнигсберга, продолжает жить в уголках души города. После бомбардировок и вместе с бесконечными перепланировками город пытались уничтожить снова – уже сугубо идеологическими средствами, пропагандой, прививая привычку забыть тот «реакционный Кёнигсберг». Город в этой пропаганде выступал как центр самого реакционного в мире юнкерского пруссачества, мрачный город-крепость, осиное гнездо фашизма, его цитадель [Гаврилина 2010, 68].

Советская власть хотела сделать Калининград образцовым советским социалистическим городом. Форпост должен быть образцом. Поэтому бульдозером должны были быть срыты не только каменные остатки старого города, но и память о нём. Город ведь достался как большой немецкий трофей. И всё его содержимое воспринималось уже как своё чужое, присвоенное. В том числе, кстати, и философ И. Кант со всем его наследием¹⁹.

С падением идеологии рухнули шаблоны и клише сознания. Вместо них образовались провалы и пустоты. Стали рождаться иные городские тексты. И вот Иосиф Бродский пишет свои стихи 1964 года, посвящённые Кёнигсбергу-Калининграду. В них рождается новый образ города [Бродский 1992, 375–378]²⁰:

«В коляску, если только тень
действительно способна сесть в коляску
(особенно в такой дождливый день),
и если призрак переносит тряску,
и если лошадь упряжи не рвёт, –
в коляску, под зонтом, без верха,
мы взгромоздимся молча и вперёд
покатим по кварталам Кёнигсберга...»

¹⁹ О чём не преминул сказать теперь уже бывший губернатор Калининградской области, назвав философа Канта нашим «русским трофеем, как и всё, что можно увидеть в Калининградской области». Сказал не где-нибудь, а на Кантовском конгрессе в апреле 2024 года. Против такого отношения к наследию философа выступили кантоведы, сказав, что Кант не вещь, не трофей, его нельзя присвоить.

²⁰ См. подробный разбор «калининградского текста» на основе стихотворения И. Бродского [Гаврилина 2010].

В город приехал поэт, он ходит и ездит по дождливому городу, пешком и на трамвае («развалины глядят в окно вагона»)²¹ и сквозь его неровные очертания проглядывают руины старого города, остатки и осколки бомбёжек. Но «пир... пир бомбардировщиков утих». И рождается новый город, робко и нерешительно, хотя ещё «деревья что-то шепчут по-немецки».

Калининградский писатель В. И. Зорин писал в 1976 году:

Было три (!) города: силикатно-барачный и гарнизонный; остаточно-руинный, а кое-где прошловеково-нарядный, даже величественный; и тот город, которого не было. Вернее, не стало после двух ковровых бомбежек Кёнигсберга англичанами... Но этот город существовал – полупризрачно, но существовал! И демонстрировал он себя... остатками лепных барельефов на старых фронтонах, шпилями кирх... глыбой кафедрала (могила Канта как бы вне времени и событий), клинкерными тротуарами кое-где, чугунными гидрантами с латинскими литерами... [Зорин 2006, 178].

Но Город обретает новую форму. Имея осколки старого тела старого города, он трансформируется в новое тело:

Обломки Кёнигсберга плавают в теле Калининграда, иногда сросшиеся с ним, а иногда чуждые, как осколок в теле солдата. Память прежней судьбы города остается, словно фантомные боли ампутированной ноги. Иначе как объяснить, почему Кёнигсберг, прекративший физическое существование и пребывающий только лишь в символической форме, в памяти... почему он витает и никуда не собирается исчезать? Он остался городом-призраком, тенью отца Гамлета... [Попадин 2010, 44].

Заключение

Удивительное дело – Королевский замок во время бомбардировок и штурма в 1944–1945 годах был почти разрушен²², а вот Кафедральный собор хотя и оказался в руинах, но был разрушен не полностью. А могила Канта осталась почти целой! И именно могила философа сохранила руины собора от последующего разрушения (ил. 12). Философ и после смерти хранил и спасал город.

Тот город погиб. Но возрождается новый. Память о философе осталась. И именно она сейчас возрождает город из пепла. Имя философа возрождает город снова. Философ становится градообразу-

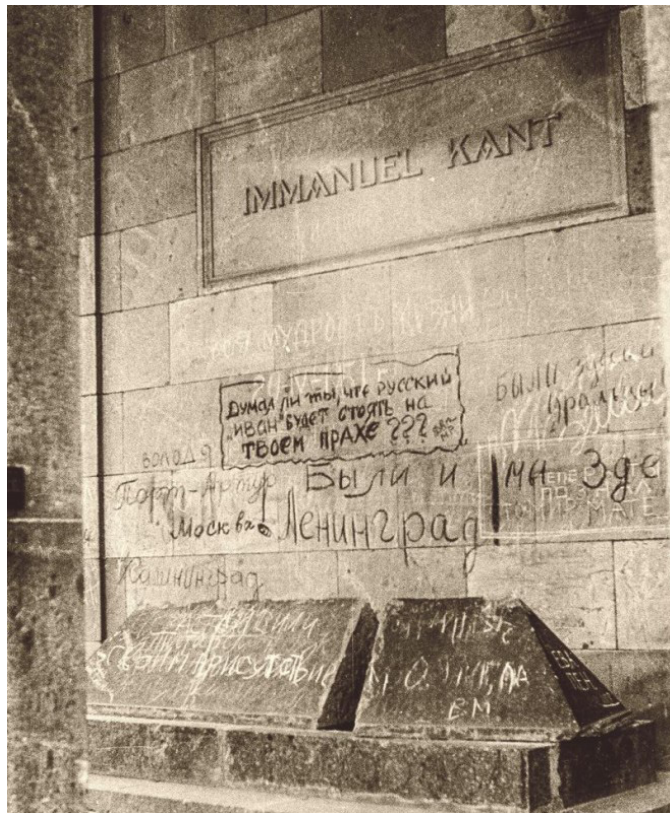
---

²¹ Возможно, по тем же маршрутам, по которым каждый день ездила из дома в школу и обратно юная Ханна Арендт, выросшая в Кёнигсберге и помнившая ещё город Канта. Это ещё одна страница из биографии города [см. Хорст 2015].

²² Замок был окончательно разрушен уже в 1950–60-е годы в связи с решением о перепланировке города. Его просто взорвали.

ющим фактором, брендом, визитной карточкой, гидом по своему городу. И если и не сохранились дома, то сохранилась память мест, на которых они стояли.

Философ возвращается в город. Город будет жить...

Ил. 12. Могила Канта. 1945 год.

Удивительные автографы оставили на могиле советские солдаты:
«Думал ли ты, что русский Иван будет стоять на твоём прахе???».

Фото из открытых источников

БИБЛИОГРАФИЯ

Боянич 2017 – Боянич П. Публичный городской ангажированный философ. Является ли философия по необходимости только городской философией (философией города)? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 4–13.

Бродский 1992 – Бродский И. А. Сочинения. СПб.: Пушкинский фонд, 1992.

- Васянский 2012 – *Васянский Э. А.* Иммануил Кант в последние годы жизни // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 55–61.
- Гаврилина 2010 – *Гаврилина Л. М.* Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3 (33). С. 64–79.
- Друри 1999 – *Друри М. О'К.* Беседы с Витгенштейном // Логос. 1999. № 1 (11). С. 131–150.
- Зильбер 2014 – *Зильбер А. С.* Кантоведение в Кёнигсберге: 1784–1948 годы // Кантовский сборник. 2014. № 3 (49). С. 92–122.
- Зорин 2006 – *Зорин В.* Сны о Кёнигсберге // Антология калининградского рассказа. Калининград: Кладезь, 2006. С. 169–181.
- Кант 1966 а – *Кант И.* Сочинения в шести томах. Том 5. М.: Мысль, 1966.
- Кант 1966 б – *Кант И.* Сочинения в шести томах. Том 6. М.: Мысль, 1966.
- Карль 1991 – *Карль Г.* Кант и старый Кёнигсберг / Пер. с нем. Хованского А. Н. Калининград: Битекар, 1991.
- Круглов и др. 2023 – *Круглов А. И., Саликов А. Н., Жаворонков А. Г.* Ранние биографии Канта и их значение для понимания его философии // Историко-философский ежегодник. 2023. Т. 38. С. 205–252.
- Кузнецова 2012 – *Кузнецова И. С.* Иммануил Кант. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.
- Кюн 2021 – *Кюн М.* Кант. Биография / Пер. с англ. А. Васильевой, под науч. ред. К. Чепурина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Лотман 1996 – *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Мотрошилова 2014 – *Мотрошилова Н. В.* Иммануил Кант: повседневность, Tischgesellschaft в единстве с философией в эпоху Просвещения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/n-v-motroshilova-immanuel-kant-1> (дата обращения: 09.08.2024).
- Путеводитель 2024 – Иммануил Кант в Калининграде. Путеводитель. Калининград: Пикторика, 2024.
- Попадин 2010 – *Попадин А.* Местное время 20:10. Прогулки по Калининграду. Калининград: Западная пресса, 2010.
- Пятигорский 2014 – *Пятигорский А. М.* Философская проза. Т. III. Древний человек в городе. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

- Ржевский 2019 – Ржевский В. Пылающий ад: как бомбили Кёнигсберг в августе 1944-го. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27020/4083787/> (дата обращения: 09.08.2024).
- Румянцева 2023 – Румянцева Т. Г. Город Кёнигсберг как фактор становления Канта–философа // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2023. Т. 3. № 2. С. 226–233.
- Светлов 2021 – Светлов Р. В. Философ на улицах города // *Образовательные пространства и антропопрактики города / Под общ. ред. В. К. Пичугиной*. М.: Аквилон, 2021. С. 216–229.
- Смирнов 2020 – Смирнов С. А. Город и Человек. Очерки по городской антропологии. М.: Ленанд, 2020.
- Смирнов 2021 – Смирнов С. А. Научные сообщества: от кружка к институции // *Философия науки*. 2021. № 3 (90). С. 48–75.
- Топоров 1993 – Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст русской литературы // *Метафизика Петербурга. Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры*. Вып. 1. СПб.: Эйдос, 1993. С. 205–235.
- Хеллер 1992 – Хеллер А. Иммануил Кант приглашает на обед // *Вопросы философии*. 1992. № 2. С. 129–138.
- Хорст 2009 – Хорст Г. Кант как житель Восточной Пруссии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://213df7ed-791b-465b-91ee-46698c5ed859.filesusr.com/ugd/e49178_d714ca738f014df6ae0968313bca0eb3.pdf (дата обращения: 09.08.2024).
- Хорст 2015 – Хорст Г. Ханна Арендт и Кёнигсберг // *Современное значение идей Ханны Арендт*. Калининград: БФУ им. И. Канта. 2015. С. 86–102.
- Gause 1974 – Gause F. *Kant und Königsberg*. Leer: Gerhard Rautanberg, 1974.
- Stavenhagen 1949 – Stavenhagen K. *Kant und Königsberg*. Göttingen: Deuerlich, 1949.

REFERENCES

- Bojanić, P. (2017). Public biased urban philosopher. Should philosophy be only urban (philosophy of the city)? *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 33(1), 4–13. (In Russian).
- Brodsky, J. (1992). *Works*. Pushkin Foundation. (In Russian).
- Drury, M.O'C. (1999). Conversations with Wittgenstein. *Logos*, 1(11), 131–150. (In Russian).
- Gause, F. (1974). *Kant und Königsberg*. Gerhard Rautanberg.

- Gavrilina, L. M. (2010). The Kaliningrad text as a metatext of culture. *Kantian Journal*, 3(33), 64–79. (In Russian).
- Heller, A. (1992). Immanuel Kant invites to dinner. *Voprosy Filosofii*, 2, 129–138. (In Russian).
- Horst, G. (2009). Kant as a resident of East Prussia. https://213df7ed-791b-465b-91ee-46698c5ed859.filesusr.com/ugd/e49178_d714ca738f014df6ae0968313bca0eb3.pdf (Accessed: 09.08.2024). (In Russian).
- Horst, G. (2015). Hannah Arendt and Königsberg. In *The modern meaning of Hannah Arendt's Ideas* (pp. 86–102). Immanuel Kant Baltic Federal University Press. (In Russian).
- Immanuel Kant in Kaliningrad. Guide.* (2024). Pictorika. (In Russian).
- Kant, I. (1996a). *Works in six volumes. Vol. 5. Mysl'.* (In Russian).
- Kant, I. (1996b). *Works in six volumes. Vol. 6. Mysl'.* (In Russian).
- Karl, G. (1924). *Kant und Alt-Königsberg.* (A. N. Khovansky, Trans.). Bitekar. (In Russian).
- Krouglov, A. N., Salikov, A. N., & Zhavoronkov, A. G. (2023). Kant's early biographies and their significance for understanding his philosophy. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-Filosofskii Ezhegodnik*, 38, 205–252. (In Russian).
- Kuhn, M. (2021). *Kant: A biography* (A. Vasil'eva, Trans.). Publishing House "Delo" of RANEPa. (In Russian).
- Kuznetsova, I. S. (2012). *Immanuel Kant.* Immanuel Kant Baltic Federal University Press.
- Lotman, Yu. M. (1996). *Inside thinking worlds: Man – text – semiosphere – history.* Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).
- Motroshilova, N. V. (2014). *Immanuel Kant: Everyday life, Tischgesellschaft in unity with philosophy in the Age of Enlightenment.* <https://freunde-kants.wixsite.com/freunde-kants-ru/n-v-motroshilova-immanuil-kant-1> (Accessed: 09.08.2024). (In Russian).
- Piatigorsky, A. M. (2014). *Philosophical prose. Vol. 3. Ancient Man in the City.* NLO. (In Russian).
- Popadin, A. (2010). *Local time 20:10. Walking around Kaliningrad.* Zapadnaya pressa. (In Russian).
- Rumyantseva, T. G. (2023). Königsberg city as a factor in the development of Kant-Philosopher. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 226–233. (In Russian).
- Rzhevsky, V. (2019). *Blazing Hell: How Königsberg was bombed in August 1944.* <https://www.kaliningrad.kp.ru/daily/27020/4083787/> (Accessed: 09.08.2024). (In Russian).
- Smirnov, S. A. (2020). *City and man. Essays on urban anthropology.* Lenand. (In Russian).

- Smirnov, S. A. (2021). Scientific communities: From the circle to institution (Based on the material of scientific schools in philosophical sciences). *Filosofiya Nauki*, 3(90), 48–75. (In Russian).
- Stavenhagen, K. (1949). *Kant und Königsberg*. Deuerlich.
- Svetlov, R. V. (2021). Philosopher on the streets of the city. In *Educational Spaces and Anthropological Practices of the City* (pp. 216–229). Akvilon. (In Russian).
- Toporov, V. N. (1993). Petersburg and Petersburg text of Russian literature. In *Metaphysics of Petersburg. Petersburg Readings on Theory, History and Philosophy of Culture* (is. 1, pp. 205–235). Eidos. (In Russian).
- Wasianski, E. A. Ch. (2012). Immanuel Kant in seinen letzten Lebensjahren. *Kantian Journal*, 1(39), 55–61. (In Russian).
- Zilber, A. S. (2014). Kant studies In Königsberg: 1784–1948. *Kantian Journal*, 3(49), 92–122. (In Russian).
- Zorin, V. (2006). Dreams about Königsberg. In *Anthology of Kaliningrad stories* (pp. 169–181). Kladez'. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 12.08.2024

Материал поступил в редакцию после рецензирования 05.11.2024